

Воспоминания- интервью  
Кривовяз (ур. Шинауровой) Полины Васильевны

Записала внучка, Кривовяз Ольга Владимировна  
Январь 2001г.

Кривовяз П.В.: Сослали. Приехали, помню, что была изба деревянная, огород.

Вопрос: Это уже там?

Кривовяз П.В.: Это уже после ссылки.

Вопрос: Может тебе рассказывали что-то?

Кривовяз П.В.: Родители рассказывали... Как-то это сейчас принято стало спрашивать, а были замкнутые что ли. Ни дети у родителей никогда ничего не расспрашивали: «Как вы там жили?» Знаю, что (мама все говорила) отец был рыбаком, на Чанах рыбачил. Озеро Чаны там где-то недалёко от них, где они жили – это Барабинский район, Новосибирская область тогда, деревня Квашнино, где, вот, я и родилась.

Вопрос: Говорили, за что сослали?

Кривовяз П.В.: Они говорили, что даже местные доносили, были такие – одинокие, которые нигде не работали, ходили. Вот только работали, когда сезон какой-нибудь, уборка, хлеб жали или еще что-нибудь, тогда они нанимались, больше пьянствовали, вот это я помню, говорили. И они же донесли. И, говорит, соседи же, местные и приходили ночью и арестовывали. В начале, они говорили, налоги были очень большие (может кто-нибудь еще рассказывал об этом). Отец говорил, что только вызовут, только заплачу, а через какой-то промежуток небольшой снова приходит извещение, опять надо платить. А впоследствии пришли... и, ну, имели амбар, так он называется (раз сеяли свой хлеб)... пришли и выгребли все. Они [*прим. интервьюера* – родители] говорили, что у нас было 2 коровы, 2 лошади было, потому что сами же сеяли, была жатка (хлеб которой жали), молотилка была своя. Но они жили два брата вместе, две семьи.

Вопрос: А дом один был?

Кривовяз П.В.: А дом один был, пятистенный. Большой дом был. Говорит, когда сослали, этот дом у них забрали под школу, и эта школа была очень долго там. Может и сейчас дом этот существует?

Пришли последний раз ночью и сказали: «Собирайтесь!». Ничего не дали, только что одели. И что – ох!- ах! – еще же и старики были (это было в 1930 г., значит матери с отцом было по 30 лет, а старики – лет по 60, может и побольше). А нас было: мне 4 года и еще постарше меня двое было (*прим. интервьюера* – другие 2 сестры и брат родились уже в ссылке). Потом – все собирайтесь, дверь сразу закрыли. У нас собака была на цепи. Так она рвалась, когда поехали... И через 6 км. на пути (мамины родители там жили), они (это же везде там раскулачивали – они знали уже), на дорогу вышли, дали нам теплые носки, варежки, еще что-то такое. Мы одели. А-то на одной лошади (на своей), сани. Но не одни, там еще ехали одновременно с нами на Барабинск. Вот это болото есть большое у нас – 50 километров, через это болото, чтоб приехать сюда (*прим. интервьюера* – в ссылку). Это тогда село Пудино было, район Пудинский.

Вопрос: А речка там какая?

Кривовяз П.В.: А речки никакой там нет, болото и болото. Сейчас, где добывают нефть, газ.

Вопрос: Васюганское болото? Оно чуть ли не самое большое в мире.

Кривовяз П.В.: 50 км одно болото вообще! Только небольшие деревца росли и все.

Долго ехали, потому что в марте ехали – холодно ведь, все время пешком шли и шли, кто мог там (*прим. интервьюера* – за телегой). Среди болота была там избушка какая-то. Туда заезжали все и грелись, потому что оттуда много сосланных тогда ехало. Погреются и переночуют там и поехали опять дальше.

И потом приехали в Скит. А как в Скит-то попали? Отец говорил, что это село Пудино, это же старое село, там купец когда-то жил. Они поехали посмотреть, где лучше, им разрешили – идите сами и смотрите где вам лучше. Отец поехал, а в Скиту было озеро небольшое, где можно было рыбачить. А он раз был рыбак, то ему понравилось. И сюда приехали, на Скит (он назывался Большой Скит). У дедушки лодка была, обласок, он рыбачил там, раз озеро было. Помню я, он меня еще возил. Там была одна только «моленная», какие-то киржаки жили. Они, по-видимому, так они говорили, раньше приехали. Уже чувствовали, что будет раскулачивание, ссылка, они туда раньше приехали. Просто лес, кедрач, тайга и все. Вначале к этим подселились (которые в «моленной» жили). Ну, они с презрением смотрели, говорили: «Ну, наверное, вы что-то там натворили, не зря же вас сослали». Так и называли тогда «спецпереселенцы», раскулаченные. Потом стали строить, эту избу построили...

Так вот эта тетка моя (сестра отца), они отдельно жили. Они тоже были в это же время с этой же деревни сосланы, вместе с нами ехали. Так вот дед (отец моего отца) и эта тетка решили... Она еще молодая совсем была, у нее не было ребятишек, а муж остался. Они решили: «Давай мы поедем обратно, убежим и все». Переночевали в Скиту, куда сослали, и решили поехать. Куда поехали? Страшно, что ты! Они думали - там наш дом остался, приедем и все. Когда мы, говорит, приехали туда (дедушка потом рассказывал), ну, а что – там же следили, мы утром еще не проснулись – приходит милиция: «Вы арестованы, собирайтесь». Тетку-то обратно сюда этапировали, а дедушку осудили. Десять лет ему давали, как за побег, был раскулаченный и убежал.

Вопрос: А почему так по-разному? Почему ее тоже не осудили? Тетке сколько было лет?

Кривовяз П.В.: Она была молодая, она была дочь моего дедушки. Она совершеннолетняя была. Ну что, наверное, с женщиной сделаешь? У ней не было детей. Ее отправили обратно этапом к нашей семье. А дедушку осудили, дали 10 лет. Вот он все рассказывал – в Красноярске он в тюрьме сидел, Тюмень он все вспоминал (тогда лес там был, тайга, на повале был). Потом еще что-то... Иркутск называл, все эти тюрьмы прошел. И он ведь отсидел все 10 лет и обратно его сюда этапировали, откуда взяли. Потом он в войну только умер.

А нас, ребятишек-то, трое было. Я-то выжила. Сильно корь была тогда. И эти ребятишки, мама все говорила, они постарше меня (один на 2 года, второй на 2 года) – умерли на одной неделе прямо.

Вопрос: В поселке много было людей?

Кривовяз П.В.: Сосланных? Да, дворов 15-20, не больше. Потом колхоз появился.

Вопрос: А твой дед в ссылке доживал?

Кривовяз П.В.: Да, они с бабушкой умерли во время войны. Моего отца взяли в трудармию, и они уже без него умерли. Потом там образовался колхоз. У нас на Скиту полей не было. 7 километров нужно было ходить на поля, где назывался Кульстан. Там мужчины ночевали. Ну, а женщины, раз у них семья, каждое утро

вставали и уходили на эту работу там. А вечером отработаются – снова идут 7 км. домой.

Вопрос: А до колхоза как работали? Что делали?

Кривовяз П.В.: Наверное, быстро он организовался, вроде так они рассказывали. Школы у нас не было. Я пошла в школу в 1936 году, мне было уже 10 лет. Тогда все там пошли в 10 лет, потому что куда таких маленьких? Поселок Гонохово, тоже Пудинского района, там мы учились. 18 километров от дома, в интернате жили. Ходили пешком 18 км. каждую субботу домой, есть же надо было что-то. Котомку на плечи и какую-нибудь булку или хлеба положат. Голод был страшный, конечно. Когда уже подросли, уже потом эти дети родились... Брат Павел родился в 1933г. после ссылки сразу, а девчонки – Валя перед войной в 1939г., Клава – в 1942г. во время войны уже, отец из трудармии пришел – по болезни его освободили. Чем жили? Ягоду брали, грибы, орехи. У нас прямо кедрач близко тут был.

Вопрос: Каким был комендатурный режим?

Кривовяз П.В.: Я уже взрослая была, до войны и в войну все время из Пудино каждую неделю приезжал милиционер и нас все переписывал, не убежали ли мы куда! Куда побежишь-то? Что бежать, Господи? Все время было это. Не стали где-то после войны, наверно, в 1954г., уже сняли репрессию, реабилитировали, потому что Виктор родился в 1952 г. (сын Кривовяз П.В.) и еще попал как будто тоже репрессированный, т.к. мы под комендатурой были. А Валя - в 1939г., Клава - в 1942г., у них есть справки, что они тоже были репрессированы, родители у них... Льготами должны пользоваться, когда на пенсию пойдут.

Вопрос: А какие-то притеснения, издевательства были?

Кривовяз П.В.: Ходили как рыбы, нигде ничего нельзя было говорить – Боже упаси! Где вместе сойдутся, никто про это даже ничего не говорил, все боялись. Ну что ты! Ой, комендант приедет да узнает. Нельзя было ни в коем случае.

Вопрос: Никаких попыток восстаний в поселке не было?

Кривовяз П.В.: Нет! Народ был больше малограмотный. Что будут? Тогда ведь ни радио не было, ни газет – ничего не было. Кто что знал? Никто ничего не знал – сослали и сослали.

Вопрос: И побегов тоже не было?

Кривовяз П.В.: Как только мой дедушка с теткой ушли и никто больше не пытался бежать. В армию на фронт не брали же первый год. Война началась в 1941, а в 1941 никого не брали, а вот в 42 г., когда уже на фронте стало туго. такие бои шли! к Москве подходили уже... Поэтому взяли дядю моего в 1942 году и тут же вскоре он погиб на фронте. А отца почему не взяли, а только в трудармию, потому что он вначале был председателем колхоза, у него как бронь была, хотя могли взять – ему было 41 год. А в трудармии он в Томске работал где-то на заводе тут что ли, потом может по состоянию здоровья чуть раньше освободили.

Вопрос: А вот вы приехали в ссылку и были ли там дома?

Кривовяз П.В.: Ничего там не было. Вот только один дом, все говорили «молебный дом». Киржаки там жили. Так их называли.

Вопрос: У вас инструменты были? Вы что-то привезли с собой?

Кривовяз П.В.: А вот я даже не знаю. Нет, какой инструмент! Может у этих же брали или в Пудино ходили, в район... Может там что брали, а так нет. Знаю, что у дедушки лодка была, обласок, он рыбачил рам, раз озеро было. Помню я, он меня еще возил.

Вопрос: Вы какие-то дома построили или землянки?

Кривовяз П.В.: Нет, не землянки. У нас был бревенчатый дом. Просто, никаких ни кухонь, ничего. Сетки перед входом и дом сам. Там полаты у нас были, русская печка, и кухня была просто отгорожена. Помню, какая-то ширма висела и все. Как зайдешь – стол в переднем углу, вокруг лавки, так принято было, что ли...

Вопрос: А к вам в поселок присылали еще людей? Вот в 1933 г. волна была... Не знаешь?

Кривовяз П.В.: Больше никого не присылали. Кроме как во время войны, появились поляки, молдаваны в Скиту. Может быть, туда не ехали, он как-то в углу этот поселок. Ведь были поселки более-менее, поля у них были (Львовка, Шерстобитово – около Пудино не так далеко). Колхозы – они быстро зажили. А наш поселок Скит... Поля далеко (7 км.), а рыбалкой заниматься не каждый же мог, куда ее, рыбу, было? Поэтому туда, наверное, не очень ехали, отдаленный этот поселок. Ну, а потом-то уже, конечно, начали, когда колхоз, после войны. Там, я знаю, был смолокурный и пихтовый завод был. Выгоняли и пихтовое масло делали и смолу делали. Но это уже после войны.

Вопрос: Как ты в школе училась?

Кривовяз П.В.: Четыре класса я училась в одной школе в Гонохово, а потом в Пудино, в район, нужно было... 5,6 и 7 (классы). Я только 7 классов кончала. Я даже не знаю была тогда 10-летка или может еще не было в Пудино. Началась война. Я когда 7 классов-то окончила, куда... Куда-то ехать? На что ехать?

Вопрос: А отпускала комендатура?

Кривовяз П.В.: Ну, по-видимому, отпускали. Я сначала в колхозе осталась, работала счетоводом. Меня взяли там помощником в конторе или у бухгалтера... Я там проработала 2 года в этом колхозе. Хорошо запомнила, что во время каникул летних мы, подростки, (мы все лето работали на полях) и пололи хлеб (тогда же руками пололи), и лен дергали, бересту драли (таскали на себе как лошади).

И вот я, когда 2 года проработала в конторе счетоводом (а отец еще был в трудармии, война еще была), думаю: «Нет я все равно как-нибудь убегу!» Они меня не пускают. А паспорта-то у меня нету. Как я?.. Ну, решила, что плачу и говорю (а эти ребяташки еще маленькие были, ничего не понимают): «Уеду и все!», - маме говорю. А там еще со мной училась одна девочка: «Поедем вместе». «Так паспорта нет?!» «Поедем!» И вот мы... У там нас тогда ходили катера и лодки большие. Проехала лодка, у нас причалила на берегу, ночевала. Мы с ней (*прим. интервьюера – с подругой*) собрались и пошли. Я говорю: «Меня же сейчас все равно снимут с лодки, я раз убежала!» А она: «Поедем!» Ну, что... ума-то не было, да и бесстрашие какое-то. Отъехали мы, а там у нас, шавера назывались, обязательно лодка застрянет, надо будет ее толкать. Там мелко. Мы с ней притаились: нет, мы не будем вылезать. Потом шкипер (главный там на лодке) говорит: «Сейчас придут и снимут вас. Вон бухгалтер пришел». И точно! Он пришел и говорит мне: «Ну-ка давай, вылезь! Куда?» Я как уцепилась за лодку! «Никуда я не поеду!» Так он меня и не снял! Я и уехала! Что с этой девчонки брать?!

А потом уже временный паспорт как-то я в Томске получила, что ли? А у меня уже такая цель была, что я хочу быть медиком. Ну, мы с ней и поехали. Нашли, где тут фельдшерско-акушерская школа, на Крестьянской, 2 (я ходила ее тут нет уже, даже того дома нет, баня там еще была). Мы сюда пришли, нас зачислили. Экзамены сдавали, еще помню. Это было в 1943 году. И стали учиться. А общежитие у нас было на Нечевского (этот переулок и сейчас есть). Там

общежитие было в деревянном доме. Учились, так как 7 классов окончили, 3 года там. Ну, война же, в общежитии холодно, почти не отапливается. Сейчас как помню: как мы ночью ходили, надо чем-то топить, там забор рядом был (школа) и мы этот забор!.. Так все, все общежитие так... Ночью пойдём (то ли топор где-то взяли, может быть, местные девчонки были, принесли нам), мы этот забор... тогда доску принесём, вторую ночь. В подпол кидали все, и печку топили. А как готовили себе есть? Два кирпича поставим, сверху кастрюльку, туда подкладываем лучинки и сварим. Прямо в помещении, оно не сильно дымит (эти лучинки). Мы откроем дверь-то. Печка была такая железная высокая, прямо круглая, от потолка до полу. А открывается дверка, мы ее откроем, вот и идет туда дым. Сварим... А что там варить-то было? Из дома привезем (тогда картошки-то не хватало сушеной) и когда-нибудь сварим. Карточная система была. 500 грамм по карточке каждый день. А жили - надо было идти от Нечевского до Крестьянской, где техникум наш был. Пока идем по Красноармейской (тогда, может быть, и ходили какие-то трамваи, но автобусов не было), мы пешком ходили, пока идем до занятий эти 500 гр. съедим хлеба. Щепотка, по щепотке – и съели! А надо до следующего утра! В столовую в техникуме-то ходили, ну а что там? Картошка мороженая. Придем, через край воду эту выпьем, и пошел. И без ложки даже. Знаю, что какие-то глиняные чашки у нас были в этой столовой. Только и думали - как бы поесть. Сидишь на занятии: если 500 гр. эти за дорогу не доешь, так не столько слушаешь лекцию, как щиплешь эту пайку хлеба!

Вопрос: А домой ездила?

Кривовяз П.В.: Летом каникулы были, домой ездила. Но меня не трогали. Господи, что там с этой девчонки! А тогда, наверное, уже сняли с комендатуры. Или не сняли, раз Виктор попал под это. В 1954 г., наверное. После войны ведь сняли, а это было в войну. Наверное, скажут: что там с нее, отца нет, ребятишки, мать одна да еще старики, пусть. Наверное, кто-то добрый попался.

Вопрос: А отец что?

Кривовяз П.В.: Он еще в трудармии был тут в Томске.

У нас учились со всех районов, много было в техникуме. Знаю, что были из Кемеровской обл. и Томские были, были из Каргаска. А я все думала: только бы мне не бросить хоть как! Я никак не брошу!!! Я такой целью была задана – нет, я все равно должна окончить. Мне нравилась так медицина! Я еще, когда в школе училась, в Пудино (было же ходили в амбулаторию), мне так нравилось, что они все в халатах, все белые! Поэтому я полюбила медицину и думала: «Я все равно не брошу, хоть как».

Конечно, трудно было во время войны учиться. Голодно, холодно. Общежитие не отапливалось. А летом на каникулы поедешь, а что привезешь? Картошки вот только высушим. А ее дома-то не хватало, она почему-то плохо родилась. Ну, что плохо – не удобряли, мужчин не было (на фронте), одни женщины.

Вопрос: А скот был?

Кривовяз П.В.: У нас корова была, но так она плохо доилась. Трое ребятишек да я четвертая. А тогда же налоги были. Надо было масла сдать 10 кг в год. Шерсть надо было, мясо сдать. Даже если бы ты не имел коровы, все равно мясным налогом облагали. А зачем? Его никто и не платил никогда, потому что чем платить-то? Я помню, была овечка у нас одна, шерсть накладывали – такой налог. У мамы была какая-то шуба, и она ее всю обстригла, унесла! Эти налоги были и во время войны и до войны.

А до ссылки я ничего не знаю. Как сейчас, дак я бы расспрашивала. Знаю, что мать с отцом говорили, что дом был хороший – пятистенный. Сейчас можно было писать и тебе может быть восстановили бы. Да больше канители. Стоит ли? Вопрос: Нужно чтобы были сохранены документы. А там в архивах может быть было плохо описано все это.

Кривовяз П.В.: Да, может быть ничего не было. Но вот так осталось... У меня метриков почему-то не было. Я написала туда, мне пришли повторные – фамилия, имя, отчество и возраст такой. А что реабилитирована в каком году? Документов-то у меня никаких на руках не было. У отца, наверное, было. Но я потом нигде не нашла. Я туда написала, обратилась в сельский совет или как там называется... в этот же поселок, где мы жили, село было большое. Я описала, что кто был: мать с отцом – их имя-отчество, бабушка с дедушкой – я тоже их имя-отчество знала, описала какого они года рождения, что когда. И мне пришло это, подтвердилось. Значит там что-то осталось.

Вопрос: Расскажи, как доучилась, как работать начала.

Кривовяз П.В.: Когда кончилась война, я в Томске еще была (последний год уже). Помню, как 9 мая шли мы как раз утром на занятия. Такой переполох был! Думаю, что такое случилось? Такие крики везде. Бегут, обнимаются. Потом поняли! Тут говорят: «Да вы что девчонки! Война же кончилась!» Боже мой! Какие тут занятия! А было так тепло, солнечно, красиво. Мы в техникум прямо бегом, побросали свои сумки и все пошли на площадь Революции (вот это я хорошо запомнила). Там до самого позднего вечера так было, казалось, красиво! Такие песни... Тогда же духовой оркестр везде играл, там фонтан был, красиво было так-то. Сейчас фонтана же нет.

А потом экзамены сдавали уже где-то, наверное, в июле. Знаю, что в августе дали еще месяц отдыхать. И тогда кто куда хотел, туда и давали направление. Я думаю: «Я поеду домой, в Пудино, в наш район». Мне дали направление в нашу районную пудинскую больницу. Я там год проработала в женско-детской консультации (она почему-то совместно была, теперь отдельно женская). Там я проработала в амбулатории, а потом меня направили в медпункт, заведующей медпунктом в этот Скит, откуда я уехала (там лесозаготовки были, леспромхоз). Там уже до меня работала девочка, она была из Кусково (от Томска недалеко). Она, по-видимому, сюда стала уезжать. Потом лесозаготовки начались. Леспромхоз. Не помню, сколько там проработала. А оттуда меня направили в Тавонгу (там участковая больница была) акушеркой, потому что у меня такая специальность «фельдшер-акушерка». Там я проработала 2 года.

А как обратно попала на лесозаготовки? Тогда была как-то сезонная... нужно было... В леспромхоз приезжали сезонные рабочие, медицинский работник должен был быть. Меня опять сюда же направили в Осипово (это недалеко от Скита). Начались лесозаготовки в Скиту, а в Осипово, говорят, во время войны начались. А я приехала где-то в 1950 году. Тоже там медицинский пункт был, но до меня, по-моему, там никого не было, потому что я приехала и одна там работала.

Как с мужем познакомились? Он же работал в колхозе, лес возил. Они так: зиму их колхоз направляет на сезон: лес возить или лес валить, а на лето они обратно уезжают. Он тоже был под комендатурой. И он лошадь отправил со своими друзьями: «Я туда не поеду». Значит мы под комендатурой были, потому что в 1950 г., когда он отправил эту лошадь, к нам же приезжал комендант в Осипово, его хотели забрать. А он коменданта к себе позвал, напоил его хорошо! Я помню. И он его оставил, договорились. Помню, что мы жили – одна койка, печка

дровами отапливалась, столик небольшой. И этот комендант напился, на полу спал! И так он и остался, не поехал, лошадь отправил. И сколько раз ему писали, что ты Илья должен вернуться, что там у тебя долг большой, мясо вы еще не уплатили налог! А у них сроду не было ничего. Мать умерла у них, бабушка была – умерла, братишка – умер, они остались двое с сестрой! У них вообще ничего не было.

Вопрос: А сестра там жил?

Кривовяз П.В.: Там жила в поселке, за Пудино они в Куликах жили. Это потом уже она (*прим. интервьюера* – сестра мужа) к нам приехала, но она у нас мало жила. У них оказался (как-то они узнали) в Узбекистане, недалеко от Ташкента, дядя. А как она уехала? От нас кто-то поехал в Алма-Ата, и они ее взяли, доставили.

Вопрос: Просто так уехала? Ее отпустили?

Кривовяз П.В.: А кто будет держать?

Вопрос: Там уже мало следили. 1950-й год. В правах уже, наверное, восстановили.

Кривовяз П.В.: Тогда, наверное, не 1950й, потому что она приезжала и у нас Виктор был. Значит она в 1952 г... Наверное, восстановили уже. Может быть временный паспорт давали. Что-то не знаю, как это получилось, что никто за ними не бежал. Может уже плюнули. Что толку-то? Родины изменником все равно уже никто не будет, дети еще считаются... Вот она так уехала.

А мы долго жили в Осипово. И Володи, и Виктор там родились. Где-то только в 1970 г. мы уехали из Осипово в Нарым. А в Нарыме мы 8 лет жили.

Когда уже ребята появились, значит надо что-то думать. Тут мы начали хозяйство, картошку садить да корову купили. Немножко, по-немножку лучше стало. Да какой лучше?

Вопрос: А была у вас обида на власть? Что-то вы думали: «Если бы не сослали...»

Кривовяз П.В.: Наверное, народ тот или от боязни так уже укрепилось... Я почему-то даже никогда не слышала от старших, чтоб они говорили: «Вот правительство такое...». Почему-то этого не было. То ли народ такой был раньше, ни на кого... Я только знаю, мама все говорила: «Вот мы раньше жили хорошо, свое все, сами сеяли, сами убирали». Она говорила, что лучше было. Они-то конечно, тем более... горя досталось много – ссылка... Мы-то что еще, небольшие были и-то трудно было. А им-то конечно... Вот когда сослали, колхоз... Такая тайга там была, поля. В Скиту все поля были заросшими лесом. Они же корчевали вручную, тогда машин не было. Земля плохая, ничего не родилось. Копали прямо лопатами. Хлеб сеяли и норму давали – 4 сотки нужно было в день вскопать. Я-то и то... когда после 7 классов работать стала в конторе, и-то иногда посылали на поле, особенно когда особенно уборка хлеба, то всех отправляли. Тяжело приходилось, конечно. Мне, кажется, сейчас бы не выдержал такого. Там же такой комар, заедали. Сейчас говорим летом – комар, комар у нас на даче (*прим. интервьюера* – в поселке Аникино под Томском). Да это разве комар! Не зря же дедушка (*прим. интервьюера* – Кривовяз Илья Петрович) говорит: «Вы комаров еще не видели! Вот комары так комары! А здесь что?!»

Было... Ведь и у нас во время войны было... Все равно какие-то тайные агенты

Вопрос: Может это было кому-то выгодно? Может что-то из имущество доставалось?

Кривовяз П.В.: Может тот, кто не работал, защищал себя, чтобы его не сослали, не тронули. Ну как в фильмах показывают: когда революция началась, такие же были агенты. Молодежь тогда вон как бежала.

Вопрос: Они верили тогда в это.

Кривовяз П.В.: Да, они верили, что мы победим. Это будет все...

Вопрос: Может тоже считали каким-то...

Кривовяз П.В.: Тех, кого сослали, считали зажиточными. Ну, а потом, когда наши говорили, отец: «Да разве это зажиточные? За что раскулачили?» Потом-то народ жить стал хорошо (он умер в 70-х годах), уже и машины стали иметь. Вот действительно сейчас. А тогда что знал этот крестьянин? Он только работал и работал знал. Это же не так просто было содержать семью, надо хлеб этот посеять, это поле обработать. Так ведь? Потом его убрать надо, опять же свои семена. Они возили хлеб, его надо было куда-то сбыть ведь и чтобы тебе деньги иметь, чтобы что-то купить. Какого-то сахару или керосина. Они со своего села возили в Барабинск, это 50 км. на лошадях, чтобы там на ярмарку... Возили, продавали, деньги у них появятся, значит покупают... Мы, говорит, домой едем – купим сахар, масло растительное (постное), какую-то мунуфактуру (ткань). Сами шили для себя, не было как сейчас, что в магазинах ломится. На рынке, ярмарке нужно было купить все.

Дополнения к воспоминаниям Кривовяз П.В., взятые из воспоминаний ее мужа Кривовяза Ильи Петровича (2001 год):

Вопрос: А вы писали туда?

Кривовяз И.П.: В Молдавию? А зачем писать? Кому ты там нужен?

Вопрос: В архив...

Кривовяз П.В.: Писал он. Но ничего же не пришло ведь? Что ты писал? Все говорил, что не пришло.

Кривовяз И.П.: Да, потом же пришло. Пришло, что «сняты вы с комендатуры, ошибочно вас сослали» и все.

Кривовяз П.В.: Того уже нет. Там в бумагах, наверное, очень-то не расписывали.

Кривовяз И.П.: Да, что уже поминать это! Все прошло уже.

Кривовяз П.В.: Как ты говоришь – в архивах смотрите и там сухо, потому что тот, кто был сослан, репрессированные, тех уже нету, а остались вот видишь ...

Кривовяз И.П.: Сослали-то родителей, а мы-то не знаем! Сослали и детей забрали. Не оставили же там детей.

Кривовяз П.В.: Нас же маленьких [увезли]. Уже мне 75 лет, а кто и был больше, дак тому уже теперь 90 лет, он уже ничего и не помнит. Их и в живых нет. Хватились вот недавно. Если бы это раньше все поднимали, а-то боялись же пикнуть. Давно ли стали все открыто говорить? Я же тебе рассказывала, как дедушка с теткой хотели обратно прийти, зайти в свой дом и жить. И дед получил 10 лет тюрьмы и отдубасил. Дедушка мой, отца моего отец.

Кривовяз И.П.: Мне присваивали Героя соц. труда. Все документы были оформлены в Парабели. А потом, когда они пришли в Томск, обком отменил. А мне дали Орден Октябрьской революции.

Вопрос: То есть ниже?

Кривовяз И.П.: Да, но тоже большой орден. А героя присвоили директору леспромхоза. Вот он умер недавно – Майоров Василий Николаевич.

Кривовяз П.В.: Потому что был сосланный. Если бы у тебя биография была не такая, то райком или обком партии утвердил бы.



Кривовяз И.П.: Конечно. А раз был сосланный... Когда дают такие награды, они берут с КГБ все данные. А там сказали: «Дак он сосланный... Они жили там, в Молдавии в роскоши». Хотя и жили в Молдавии, отец и мать работали от и до, они минутку не сидели. Такой был крупный магазин, занимал целый квартал. И сами готовили – такие погребки были большие. Все соленья, все варенья, павидло они сами готовили.

Кривовяз П.В.: Перерабатывать же надо было эти фрукты в Молдавии.

Кривовяз И.П.: Отец как-то взял меня в Черновицы, а что-то так болел. Что-то тоже у меня так желудок болел. Мне даже говорили, что надо на сахар немного капель керосина.

Кривовяз П.В.: Горло, наверное, болело.

Кривовяз И.П.: Нет желудок. Там, видимо, были описторхи или глисты какие-то... Черновицы – это большой город. Он ездил, заключал договора, оттуда получал все товары – и колбаса оттуда, и ветчина поступала, и кондитерские изделия, и шоколад, и вина, шампанское, коньяки. Ну все было.

Кривовяз П.В.: Ну вас-то было за что сослать.

Кривовяз И.П.: Нет, сослали же... это не то, что воровали или что-то делали.

Кривовяз П.В.: Тут была другая политика: сослали перед самой войной. Наверное, через 10 дней война началась.

Кривовяз И.П.: Дак не знали же! Никто не знал, что война будет.

Кривовяз П.В.: Это вы не знали и мы не знали. Знала верхушка. Вот поэтому и дали указание сослать, что предательство может быть. Да вот и именно – 10 дней до войны осталось. Всё знали.

Кривовяз И.П.: [О жизни в Нарымском крае] Жизнь тогда была очень тяжелая – ничего не платили, есть нечего было.

Кривовяз П.В.: Край-то еще был не обжитый сильно.

Кривовяз И.П.: Да... Хлеба не было. Ели жибрей, такая трава.

Кривовяз П.В.: Ну война.

Кривовяз И.П.: Делали хлеб [с жибреем]. И люди пухли и умирали с этого. С голода умирали.

Кривовяз П.В.: Она маслянистая трава.

Кривовяз И.П.: Я помню в колхозе жил – возил почту на лошади. Из Куликов до Шерстобитово. Ночью, дождь идет. А надо почту везти и оттуда почту везешь. Один на лошади едешь...

Кривовяз П.В.: Хорошо тогда никаких разбоев не было. Никто никого не боялся.

Кривовяз И.П.: Ну! Тогда спокойно было на счет этого.

Кривовяз П.В.: Я вон уже, когда начала работать, пешком пойду одна, и мысли не было, что тебя кто-то... Разуюсь. Эти брезентовые туфли через плечо. 25 км в Пудино пойду за лекарствами. И обратно. День же большой летом. Лекарство получу, в мешочек складу, за спину и пошла. Вечером обратно приду. 50 км в день... А Пудино все-таки район [прим. интервьюера – районный центр], больница там... В луже где-нибудь ноги вымою, обуюсь и это... А обратно – за деревню выйду, разуюсь.

Кривовяз И.П. (муж Кривовяз П.В.): Вот поженились мы, дак такая трудная была жизнь тоже! Хозяйство завели, а я работал, и, можно сказать, больше был в лесу, чем дома. А ей самой доставалось: дети, надо было и картошку копать, и... А я все в лесу был. Думал, как лучше, чтобы люди зарабатывали, чтоб лес заготавливали.

Кривовяз П.В.: Дак и сами хотели, чтобы что-то... Деньги копили. Я в кино даже старалась не ходить. 20 копеек был билет. А я все думаю скопить. Потом когда уже стали в отпуск иногда ездить летом – приедешь обратно, господи!

Кривовяз И.П.: Так обдурили людей, деньги все пропали.

Кривовяз П.В.: Деревня вся в комарах, весь поселок в говне коровами засратый. Думаю, денег скопим – обязательно уедем туда. Дом купим. Нам бы и хватило на дом как у нас было на книжке.

Кривовяз И.П.: Какой там дом – там бы хватило... 4 Волги можно было купить.

Кривовяз П.В.: Дом-то на юге дорогой, наверное, с садом.

Вопрос: На юг хотели?

Кривовяз П.В.: Ну, съездишь туда – такая красота и тепло, и комаров нету. Домой как приедешь – опять комары, ночью спать не дают...